

ТУПИКИ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА¹

М. Маяцкий

В данной статье рассматриваются подходы к изучению и интерпретации Болонского процесса в западной историографии. Автором делается вывод, что основные его элементы — рентабельность и квантификация образовательных услуг — не помогают достичь повышения уровня образования и конкурентоспособности на мировом рынке труда.

Ключевые слова: *болонский процесс, историография, рентабельность, квантификация образовательных услуг.*

С Болоньи всё началось: именно там 920 лет назад был основан первый в мире университет. Современная европейская реформа высшего образования, символически осенившая себя именем Болоньи, приведёт, быть может, к тому, что университета не станет. От основания в 1088 году Болонского университета до «Болонской декларации европейских министров образования» 1999 года пролегла славная история, которая на наших глазах превращается в предысторию чего-то иного.

Но так ли всё плохо с европейским университетом?

Составить себе об этом взвешенное мнение — задача непростая. Личный опыт, каким бы он ни был, остаётся ограниченным, а литература по вопросу делится на две неравные части. С одной стороны, административный восторг технотронных отчётов и радужность перспектив; с другой — отчаяние и резиньяция, подспудные и малотиражные, но тем более несомненные. Я отобрал для рецензии несколько публикаций последних двух-трёх лет, исходящих от критических и очень критических исследователей. Не только потому, что во многом согласен с ними, а прежде всего потому, что рецензировать книги первой

¹ Рецензия на: Franz Schultheis, Marta Roca I Escoda et Paul-Frantz Cousin (dir.). *Le cauchemar de Humboldt. Les reformes de l'enseignement superieur europeen*. Paris: Raisons d'agir, 2008. (Кошмар Гумбольдта. Реформы европейского высшего образования). Mike Byram and Fred Dervin (eds.) *Students, staff and academic mobility in higher education*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars, 2008. (Студенты, персонал и академическая мобильность в высшем образовании). Konrad Paul Liessmann, *Theorie der Unbildung*. Wien: Paul Zsolnay, 2006. (Теория необразованности). Marek Kwiek, *The University and the State. A Study into Global Transformations*, Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. (Университет и государство. Исследование глобальных преобразований).

категории нелепо. Они написаны для внутриминистерского пользования, для взаимопускания пыли в глаза и для выбивания евро из местных и европейских кошельков или, соответственно, для оправдания бюджетных сокращений. Бодрый тон, имитирующий банковские отчёты (которые тем бодрее, чем ближе катастрофа), не несёт ровно никакого содержания. Ощущение, что они написаны компьютерной программой, нарушается только явным присутствием канцелярско-менеджерского задора авторов.

Конечно, такие различия в восприятии происходящего не случайны. Следует принять интонационный разноречивый не за помеху в понимании, а за ключ к нему. Болонская реформа окончательно рассекла сам корпус, «тело», человеческий состав западного университета, на две взаимоотторгающиеся части. Со стороны отчаяния — старая гвардия. «Старая» не в смысле возраста, ведь сюда пока ещё входит и часть студенчества. «Старая» — в смысле верности некоей прежней идее университета, согласно которой, по словам Гумбольдта, «не профессора для студентов, а они все — для знания». Со стороны оптимизма — новый дух «открытости», «успешности», «эффективности», «инновации» и «динамизма». Старая гвардия обречённо ведёт арьергардные бои. Новое чиновничье рвение с невинной синевой в глазах весело разрушает построенное веками.

Веками тяжёлыми: с нищетой, неравенством, религиозными и просто войнами, патриархальными нравами и эпидемиями. Тем более странно, что именно сегодня, когда Европа достигла несомненного уровня благосостояния и политического умиротворения, она решила, что высшее образование, занятое преимущественно знанием и не пекущееся прямо и непосредственно о пользе, ей, Европе, больше не по карману.

Не будем упрощать. Нет нужды идеализировать прежний университет. Он не всегда был таким оплотом незаинтересованного знания, каким получается под пером некоторых ностальгиков. Несмотря на всю автономию, он был во многом продолжением общества и его зеркалом, а его профессорам случалось послушно производить догматическую нетерпимость, иприт, расизм, евгенику и прочие столь нужные обществу артефакты. Но в целом автономное университетское знание является несомненным завоеванием европейской истории. Достаточно несомненным, чтобы возник вопрос: а нужна ли была реформа?

Видимо, нужна. На стареющем и деиндустриализирующемся континенте нельзя было рано или поздно не задаться вопросом, как обеспечить выживание и по возможности процветание университета (а значит, науки и определённой культуры) в условиях пересмотра его отношений с государством и неизбежных финансовых урезаний на фоне

общей глобализации (чему даёт взвешенный исторический анализ книга Марека Квека). Увы, ответ оказался и сомнительным, и не на тот вопрос: европейские политики без всяких консультаций с заинтересованными лицами, то есть с учёными, преподавателями, студентами, предприняли ряд шагов, которые привели в начале нового тысячелетия к включению высшего образования в список услуг GATS (General Agreement on Trade in Services) в рамках Всемирной торговой организации. Это событие осталось, естественно, не замеченным академической средой, между тем его последствия будут ощутимы, если не фатальны, для всей европейской университетской системы.

Если сконденсировать сотни страниц высоких слов и благих пожеланий, Болонский проект сводится к двум элементам: рентабельность (достигаемая ускоренной профессионализацией) и квантификация учебных услуг (позволяющая студенческую мобильность). Всё остальное — например, повышение качества обучения в целях вящей конкурентоспособности в глобализованном мире и пр. — не имеет отношения к делу, а то и противоречит ему. Действительно, неясно, как ускоренная выпечка профессионалов может способствовать качеству обучения. Тем более неясно, чего вдруг поездки студентов по разным университетам автоматически должны улучшить качество знаний.

Зато очевидно, что реформа была призвана осуществить определённую гомогенизацию систем высшего образования в духе усилий по созданию общеевропейского экономического, политического, правового и культурного пространства. Выиграл ли, выиграет ли от этого европейский университет?

Разумеется, разные университеты, разные учебные заведения, разные страны (не) нуждались в Болонской реформе в разной степени. В глазах евроэнтузиастов из бывшего советского или социалистического лагеря Болонья давала их высшему образованию неслыханный шанс. Действительно, система, которая приравнивает один балл (кредит, пункт), полученный студентом в стенах какого-нибудь силдавского госуниверситета, к баллу, полученному в Хельсинки, Тюбингене или Оксфорде, не может не лить бальзам на душу и уязвлённое вселенской несправедливостью самолюбие силдавского политика, ректора, профессора, доцента и студента. Но какая нужда могла принудить к этой дорогостоящей, громоздкой и непрозрачной реформе администрации Хельсинского, Тюбингенского или Оксфордского университета, остаётся непонятным.

Непонятно не только это. В странах с чутким общественным мнением (таких как Франция) никакое самое малейшее изменение или нововведение в системе образования, начиная с детсада, невозможно

без долгой взвинченной полемики в медиа, без ругани в парламенте, без многотысячных демонстраций под лозунгами «Руки прочь от школы (соответственно: детсада, университета)!» и «Господина N (вставляется фамилия министра — автора проекта) — на помойку!». Конечно, за эти демократические удовольствия приходится платить определённым иммобилизмом системы, многолетним накоплением проблем, которые приходится решать либо инструкциями втихаря, либо авральными указами сверху уже без всяких консультаций с народом. Никакого сравнения, однако, с грандиозной, амбициозной и финансовоёмкой Болонской реформой, которая была принята к действию министерствами образования без какого бы то ни было обсуждения. Эти лица просто ничего такого не заметили, хотя министры и не скрывали. Начиная ещё с 1980-х годов они то и дело встречались и говорили высокие слова. Однако за привычной напыщенной европейской трескотней никто не заподозрил грядущих перемен. Ни цели, ни смысл, ни легальный статус, ни экономическая подоплёка, ни возможные последствия Болонских преобразований не стали предметом коллективного осмысления. А чтобы какая-нибудь запоздалая рефлексия не вздумала пытаться приостановить начатые реформы, им решили придать характер анонимный и неизбежный, окрестив «процес-

сом». Так эта реформа теперь и называется: the Bologna Process — или сокращённо ВР.

Авторы рассматриваемых книг и сборников анализируют Болонский процесс по двум направлениям, друг друга дополняющим и, я бы сказал, друг друга утешающим, нейтрализующим. Естественно, критикуется сама идея реформы, её смысл. И прежде всего непродуманность и неартикулированность этого смысла.

Одни склонны прочитывать реформу идеологически (как «ответ на вызовы современности» и т.д.), другие — реал-политически (как необходимость консолидации перед лицом конкуренции с Америкой и восходящими научно-образовательными державами Юга и Востока).

Одни видят в Болонской реформе признание превращения Европы в «общество знания», а значит, признание необходимости дополнительного и усиленного финансирования образования и науки; другие же говорят, что БП понадобился, наоборот, в целях бюджетной экономии. Поэтому, например, и был введён укороченный курс профессионализации — бакалавриат.

Одни считают, что целью БП является мобильность преподавателей и студентов; им возражают те, кто не видит в мобильности прямой связи с качеством — кое, разумеется, Болонские документы воздвигают на алмазный пьедестал,

склоняют и славословят на все лады (что может лишь насторожить опытное ухо). К тому же в Западной Европе и преподаватели, и студенты ездили и раньше, если им это было нужно.

Одни считают, что подобно тому, как падение таможенных границ и введение единой валюты укрепили европейскую экономику, так и гомогенизация европейского образовательного пространства усилит качество высшего образования; другие полагают, что тем знание и отличается от валюты, что излишняя «гармонизация» его убьёт, как убьёт она и разнообразие европейского университета и будет означать его «деевропеизацию».

Одни говорят, что профессионализация бакалаврского цикла будет способствовать сближению университета с жизнью; им возражают: такая профессионализация радикально изменит суть университета, ограничит университетскую свободу, упразднит воспитание у студентов научного мышления, сузит их горизонт, повредит фундаментальным исследованиям, превратит университет в профессиональное училище (что, конечно, может быть — или казаться — выгодным экономике, снимая с неё расходы на обучение персонала).

Одни считают, что это ничего, что пусть большинство университетов, не меняя вывески, станут фактически техникумами и коммерческими школами, а настоящими универси-

тетами останутся элитные университеты; с ними не согласны те, для которых элитность «элитного университета» узаконивает серость и межеумочность «просто-университета» (примерно как для Набокова «фольмильх и экстраштарк» понимали «законное существование разбавленного и поддельного»).

Одни думают, что перманентная аттестация преподавателей поднимет «культуру качества»; другие знают, что атмосфера контроля может быть по вкусу только корифеям от бюрократии, что она лишь бестолково раздует никому не нужные и никем не читаемые липовые отчёты.

Робкие и еле слышные голоса указывали на эти противоречия в проекте уже давно, со времени его создания. Критическая литература последних лет, и в частности рецензируемые здесь книги, отличается тем, что прошедшее десятилетие дало уже достаточно материала для анализа практики Болонской реформы и, следовательно, сравнения намерений (пусть смутных и противоречивых) и их реализации. Уже можно подвести и первые итоги.

Каковы они? Критика результатов оказывается, пожалуй, ещё беспощаднее, чем критика целей.

В целом, реформа не удалась — в том смысле, что итоги (пока?) не соответствуют ожиданиям. Упования на мобильность не оправдались. Путешествует малая доля студентов, около 4%. Зато значи-

тельно труднее стало ездить как раньше, то есть по велению сердца и ума, туда, где сильный профессор, перспективная научная школа или хорошая библиотека. Приезжие студенты отныне, как правило, принадлежат к «организованным» (*institutional exchange students*): на них заблаговременно посланы и получены документы, они приезжают со стипендиями и платят значительно больше местных, их ожидают и уже даже внесли в статистику. К «дикарям» же (*free movers*) отношение подозрительное; их не отбирали, не посылали, не приглашали, их не любят секретарши и сотрудники отдела поступления и записи; консультанты по иностранным студентам ожидают от этих отбившихся от стада одиночек каверзных вопросов и неразрешимых проблем. Куда проще с организованными: эти верные приверженцы “*edutainment*” любят гала-вечера и коллективные поездки по дежурным достопримечательностям, не слишком зацикливаются на учёбе, гораздо охотнее знакомятся друг с другом, чем с аборигенами (которые ещё и говорят на каком-то странном языке, вместо того чтобы, как все нормальные люди, общаться на Стьюдент Инглиш). Короче, суперски-симпотная публика.

Интересно, что и главный гарант мобильности — императив равнозначности баллов — не выполняется. Преподаватели не смеют возражать, когда их студенты отправля-

ются на семестр-другой в другой, часто иностранный, университет, зато и не желают автоматически зачитывать им заработанные на чужбине баллы, вся суть которых — официально — и заключалась в том, чтобы служить межуниверситетскому и межгосударственному трансферту и накоплению в единой системе: *European Credit Tranfert and Accumulation System*. Но весь новый университетский режим зиждётся на мобильности, возведённой в самоцель. Студент, который получил и бакалавра, и магистра в одном университете или, чего доброго, на одном отделении факультета, да ещё и не съездив на пару семестров за границу, — отныне рассматривается как безынициативный лентяй. Сам университет теперь пытается мыслить себя статичным переходным узлом некоторого вечно подвижного потока преподавателей и студентов, что ещё более увеличивает пропасть между этими кочевниками и оседлой властной бюрократией. К таким выводам приходят авторы статей сборника «Студенты, персонал и академическая мобильность в высшем образовании».

Но самая разительная перемена, произошедшая в университете за последние 10–15 лет, протёкшие под знаком Болоньи, — это изменение самого университетского духа. Вожделенное сближение с жизнью вылилось прежде всего в то, что студент превратился в покупателя,

а университет — в супермаркет, с соответствующей логикой взаимоотношений между ними. Особенно травматична эта метаморфоза для гуманитарных факультетов. Ещё недавно посещение «необязательных» лекций и семинаров, в том числе и на других факультетах, было в порядке вещей. Сегодня оно стало жестом, бросающимся в глаза, требующим объяснения. Всё чаще преподаватель начинает семестр с выяснения того, чего ожидает от него публика. Может выясниться, что семинарская группа слишком разнородна: некоторые студенты заканчивают бакалавриат, другие начали магистратуру, третьи — с таким-то модулем, у четвёртых — модуль с опцией сякой-то, пара студентов «Эразма» тут проездом и всем видом показывают, что у них есть дела и поважнее и т.д. И никто из них не собирается потратить времени больше, чем требуется для предусмотренного числа баллов (ценность балла рассчитывается по среднему количеству затраченного рабочего времени — ровно по Марксу). Перед лицом столь разношёрстной клиентуры преподаватель признаёт себя вынужденным отказаться от коллективной работы и максимально индивидуализировать «требования» (предъявляемые фактически студентами преподавателю).

В своей Теории необразованности Конрад Лисманн саркастически замечает, что торжествующая «ориентация на жизнь» привела к такой

униформизации университетских программ, что всякая потребность в мобильности скоро отпадёт. В каком университете сегодня не встретишь курса «Business & Ethics» (или его более лаконичного собрата «Business Ethics»)? Какие гуманитарные факультеты не обочивают свои почтенные и такие разные науки в якобы лучше продаваемые упаковки à la Cultural Studies? Вроде ничего плохого. Но почему-то на ум приходит паническое бегство с бросанием орудий и обоза. Почему все сразу? Почему так спешно? И почему все в одном направлении? Многие авторы прямо говорят о «макдональдизации высшего образования».

Зато пуще прежнего раздулось университетское чиновничество. По мере того как становится уязвимым, нестабильным, хрупким статус университетского преподавателя и учёного, укрепляется и численно множится слой тех, кто ныне является хозяевами университета: так называемые ECTS-Counsellors (то есть эксперты по баллам, необходимые, чтобы обуздывать непокорных преподавателей, не желающих признавать тьмутараканские баллы равноценными кэмбриджским); советники и консультанты по самым разным видам проблем, в особенности, проблем, созданных Болонской реформой; ответственные за программу «Эразм» (то есть за приезжих студентов — «туристов», как их небезоснова-

тельно называют); консультанты по аттестации преподавателей; консультанты по перманентному обучению... Наконец, при каждом ректорате и в каждом деканате имеется консультант по вопросам Болонского процесса. Надо учесть, что легальная база реформы чрезвычайно шатка: на уровне европейского законодательства ещё ничего не утрясено; строго говоря, ни одна страна и ни один университет не обязаны включаться в Болонский процесс. К тому же реальный процесс нормализации и уравниловки сопровождается и вовсе окончательно путающим все карты дискурсом «свободы», «разнообразия», «поощрения специфики». Поэтому недостающую ясность директивных европейских бумаг компенсирует на местах воображение и зуд проболонских энтузиастов, любителей схем, модулей, опций и прочей бухгалтерии.

Вопрос дискурса здесь играет роль не последнюю. Как показывает Кристиан де Монлибер в «Кошмаре Гумбольдта», речевое поведение университетских сотрудников резко разводит их на ностальгических упрямцев, по-прежнему собирающихся в университете учить и исследовать, и тех, кто быстро овладел новоязом и научился умело тасовать «культуру качества», «экспертизу», «эффективность», «рента-

бельность», «диверсификацию предложения», «вызовы современности» и пресловутый «рынок образовательных услуг» (выражение, которое, кстати, особенно привилось в России, повергая произносящих его чиновников в состояние блаженно-эйфорического оцепенения). По обречённому облику упрямцев заметно, что это вымирающая тупиковая ветвь университетской эволюции. Однако именно эти жалкие обломки старорежимной учёности, видимо, свидетельство того, что реформа идёт плохо. Не в силах поднять голос и уж во всяком случае заставить к этому голосу прислушаться, они тихо саботируют Болонский процесс, отказываясь признавать единую валюту баллов и участвуя в (само) аттестациях и прочих канцелярских играх левой ногой. Это не может не внести весёлой ноты в чтение данных более чем печальных анализов. Болонская реформа необдуманна, бессмысленна и вредна, но, к счастью, она буксует. Право её саботировать — это, кажется, всё, что осталось от когда-тошней университетской свободы. Увы, утешение это слабое. Ибо надо отдать реформе должное: одно ей удалось — стать необратимой. Процесс пошёл, comrades и месё!

Оригинал опубликован в журнале «Пушкин».